

Понятие «контекст» в «Проблемах творчества Достоевского» (1929) и «Проблемах поэтики Достоевского» (1963) Михаила Бахтина

© 2023 Виейра де Камарго Грилло Ш.*

*Шейла Виейра де Камарго Грилло – доктор филологических наук, профессор, факультет философии, литературы и гуманитарных наук Университета Сан-Паулу (USP)
E-mail: sheilagrillo@usp.br*

Университет Сан-Паулу (USP). Сан-Паулу, Бразилия

Аннотация. Данная статья носит эпистемологический характер. В ней анализируется понятие контекста в произведениях М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Актуальность выбранной темы в значительной степени обусловлена возрастающим интересом ученых-лингвистов к анализируемому понятию. Так, в статье освещаются теории контекста, разработанные в интерпретативной семантике Франсуа Растье и в критическом дискурс-анализе Тёна ван Дейка. В упомянутых выше работах М.М. Бахтина понятие контекста занимает центральное место; мыслитель рассматривает контексты внесловесный и словесный. При этом оба контекста опосредованы художественной архитектурой, формой, видением или художественной волей автора.

Ключевые слова: контекст этической ценности, внесловесный контекст, словесный контекст, М.М. Бахтин.

Об актуальности и эпистемологической значимости темы

В данной статье, которая носит эпистемологический характер, я предлагаю раскрыть природу и роль понятия контекста в таких работах М.М. Бахтина, как «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Статья является частью более крупного исследования, в котором мною проводилось изучение понятия контекста в работах Бахтина первой половины 1920-х гг. [1, т. 1], 1930–1963 гг. [1, т. 2–6], а также трудах П.Н. Медведева [10] и В.Н. Волошинова [20] второй половины 1920-х гг. Интерес к понятию «контекст» возник в связи с тем, что я специализируюсь на исследовании роли социологического метода Бахтина, Медведева и Волошинова, металингвистики Бахтина для понимания и анализа высказываний из различных сфер человеческой деятельности. По мнению этих авторов, высказывание включает в себе словесную и внесловесную части, что также является одной из составляющих определения контекста в творчестве Бахтина.

Актуальность выбранной темы в значительной степени обусловлена растущим интересом лингвистов к раскрытию понятия контекста, что также лишней раз подчеркивает значимость работ Бахтина в этом направлении. Прежде чем обратиться к рассмотрению понятия контекста в названных бахтинских работах, кратко осветим две теории контекста, разработанные выдающимися учеными, специалистами в области лингвистики текста и дискурса: «Интерпретационная семантика» Франсуа Растье и «Критический дискурс-анализ» Тёна ван Дейка. Выбор теорий этих двух авторов обоснован следующим: контекст является ключевым элементом их подходов к тексту (Растье) и дискурсу/тексту (Ван Дейк); авторы сформулировали/представили четкое и широкое понятие контекста; и, наконец, теоретизирование было разработано в сфере моих профессиональных интересов.

Начнём с французского лингвиста Растье. Анализируя понятие контекста, он выдвигает на первый план аспекты эпистемологических изменений, происходящих в

семантике и прагматике. Согласно ученому, в риторико-герменевтической традиции [см.: 14; 16] текст представлен как фундаментальная языковая единица в соответствии с теорией действия или праксиологией [см.: 15; 16], рассматривающей язык как систему, которая «непрестанно видоизменялась в процессе использования и работала в соответствии с исторической динамикой» [15, с. 168]. Иными словами, система мыслится по оппозиции «возникновение-источник и возобновление», а не «тип-возникновение». Эта проблематика имеет дело с континуумом в соответствии с герменевтическим принципом, согласно которому глобальное обуславливает и определяет локальное (отрывок или дискретную единицу).

В этой ориентации реконтекстуализирующий язык навязывает восстановление intersубъективности, различая ситуацию интерпретации и ситуацию высказывания (каждая со своим универсумом референции, допущений и обязанностей) и историю – присутствующую в форме современной и прошлой интертекстуальности, то есть контекст не только «здесь и сейчас», но и выходящий за рамки ситуации. Понятие жанра позволяет связать контекст (или языковой контекст) и ситуацию, так как является организующим принципом текста и семиотическим модусом текущей практики. При этом каждый текст интерпретируется внутри *корпуса*, образованного, прежде всего, текстами, принадлежащими к одному жанру. Для Растье текст является фундаментальной лингвистической единицей, анализ которой обеспечивает доступ к единицам более низкого уровня, а высшей единицей является *корпус* [16].

Перейдём к известной книге «Дискурс и Контекст. Социокогнитивный подход» (2007) голландского лингвиста Тёна Ван Дейка. В ней автор делает обширный библиографический обзор понятия контекста в гуманитарных науках. Как и Растье, он видит, что отражение контекста вызывает эпистемологические изменения в исследованиях языка и дискурса: «контекстуализм подразумевает, что явления должны изучаться по отношению к ситуации или окружающей среде» [19, с. 28]. Это контрастирует с «деконтекстуализированными, абстрактными, структуралистскими, формалистскими, автономными» подходами к явлениям языка [19, с.28]. Ван Дейк считает, что после Второй мировой войны формалистские, структуралистские или автономные теории доминировали в научной сфере лингвистики и гуманитарных наук. Тем не менее, согласно Ван Дейку, только в 1970-х и 1980-х гг. в таких дисциплинах, как этнография речи, прагматика, социолингвистика и критический анализ дискурса, появился «комплексный подход к языковому употреблению и коммуникативным событиям, сосредоточенный на контексте и вставленный в контекст» [19, с. 300–301].

Социокогнитивный подход Ван Дейка, как следует из названия, базируется на когнитивистской основе (субъективные ментальные представления) и на социальной основе (знания, установки, мировоззрения, грамматика, правила, нормы и ценности, социально разделяемые дискурсивными сообществами). Это предполагает, что производство и интерпретация дискурсов происходит под контролем ментальных моделей контекстов, то есть «не типа объективной социальной ситуации, а конструкторов участников, субъективных, хотя и социально обоснованных», относительно свойств, которые имеют для них значение в такой ситуации, то есть ментальных моделей» [19, с. 87]. Ван Дейк подчеркивает, что эти ментальные модели гибки и что говорящие постоянно согласовывают свою интерпретацию соответствующих аспектов коммуникативной ситуации. Отношения между динамическими ментальными моделями контекста и дискурсивными структурами – это отношения *контроля* возможных вариантов языка, текста и знаний.

Перейдём к рассмотрению понятия контекста в работах Бахтина: сначала в «Проблемах творчества Достоевского» (1929), затем в «Проблемах поэтики Достоевского» (1963).

Проблемы творчества Достоевского (1929)

В 1929 г. Бахтин издает первую версию своей известной книги «Проблемы творчества Достоевского» [1, т. 2, с. 7–175; 4]. В предисловии автор предлагает с методологической точки зрения преодолеть разделение между идеологическим и формальным анализом, чтобы найти ту идеологию, которая бы «определила художественную форму» [1, т. 2, с. 8] и поясняет свое убеждение: «Всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками. Поэтому и чисто формальный анализ должен брать каждый элемент художественной структуры как точку преломления живых человеческих социальных сил [1, т. 2, с. 7].

Между текстами представителей «круга Бахтина» 1920-х гг. существует большая согласованность: художественная форма – объект исследования автора (она может быть научной, публицистической, религиозной и т. д.) – не может быть понята без «преломления живых социальных сил» [1, т. 2, с. 17]. Анализируя полифонический роман, Бахтин утверждает, что идейные тезисы, извлеченные из социально-исторического и идеологического контекста Достоевского, преломляются в содержании романа, опосредованном «художественной архитектурой произведений Достоевского» [1, т. 2, с. 15]. Это также называется формой, видением или художественной волей, или даже «формообразующей идеологией» [1, т. 2, с. 15]. По Бахтину, эта архитектурная форма или «художественная воля» представляет мир, используя критерии «сосуществования» и «взаимодействия» [1, т. 2, с. 36, 39, 40], то есть пространственного сосуществования противоречий иначе, чем критерий временного ряда в становлении, как это происходит в диалектике. Критерии «сосуществования и взаимодействия» также определяется доминированием «самосознания» персонажа и взаимодействия «я» как структурирующих принципов произведений Достоевского [1, т. 2, с. 43–44]. Наконец, Бахтин постулирует, что «диалогическое противостояние» безысходно и является не только ключевым элементом романов Достоевского, но и определяющей чертой человека [1, т. 2, с. 157]. Все это позволяет автору сделать следующий вывод: «Разобранный нами диалог “человека с человеком” является в высшей степени интересным социологическим документом. Исключительно острое ощущение другого человека, как “другого”, и своего “я”, как голого “я”, предполагает, что все те определения, которые облекают “я” и “другого” в социально-конкретную плоть, – семейные, сословные, классовые и все разновидности этих определений – утратили свою авторитетность и свою формообразующую силу. Человек как бы ощущает себя в мире, как целое, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы» [1, т. 2, с. 173–174].

Бахтин утверждает, что художественная форма имеет место в российском социально-историческом контексте XIX в., она отмечена контактами миров и социальных групп, которые раньше были изолированы и еще охвачены процессом «острой социальной дифференциации, процессом разложения и отрыва от особо замкнутых и самодовлеющих групп» [1, т. 2, с. 155]. Из этого контекста следует «материал, подлежащий социально-экономическому объяснению, раскрыть и уяснить как внутренне социальное явление» [1, т. 2, с. 155]. Бахтин теоретически и методологически обосновывает, что не стоит сводить художественное произведение к отражению внесловесного контекста, а следует анализировать словесный материал литературного произведения как художественную реконструкцию социально-экономического контекста, руководствуясь авторскими художественными принципами подобно тем, что кратко изложены выше.

Еще одним моментом контекста в данном произведении Бахтина являются отношения с объектом изображения – персонажами романа. Так, автор противопоставляет глаголы «создавать» и «изобретать»: «создать не значит выдумать. Всякое творчество связано как

своими собственными законами, так и законами того материала, на котором оно работает» [1, т. 2, с. 56]. Принципы изображения, авторская архитектура определяются референтом романа: созданными из жизни персонажами, характеристики которых определяют авторское творчество, то есть автор не вполне свободен творить, но и не выполняет простого действия, отражения то, что есть в предмете.

В последней части работы при анализе словесного стиля Достоевского, творца точки пересечения мировоззрений героев, внесловесный контекст охватывает несколько моментов литературного произведения: «авторское слово направлено на свой предмет» [1, т. 2, с. 92]; авторские намерения, которые могут быть выражены или не выражены непосредственно в повествовании романа [1, т. 2, с. 87]; состоявшиеся социальные оценки, которые отражены и преломлены в авторском стиле [1, т. 2, с. 88]; ожидание «предвосхищаемых возражений, оценок, точек зрения» собеседника в литературном слове [1, т. 2, с. 93]; авторская направленность на иностранное слово, будь то в одном смысловом направлении, или в разных смысловых направлениях, таких, как пародия (в пределах авторских интенций) и полемика (воздействие на авторское слово извне). Утверждая, что ориентация или отношение к чужому слову есть одна из главных черт романа Достоевского, Бахтин определяет внутреннюю социальную природу языка так: «Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда социального общения. Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уста в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило [1, т. 2, с. 99].

В «Проблемах творчества Достоевского» Бахтин ставит своей целью раскрыть принципы мировоззрения или художественной архитектуры Достоевского. Эта ключевая идеология художественной формы является посредником между общественно-историческим контекстом автора и материальной конструкцией произведения. Если нельзя свести анализ художественного произведения к отражению его контекста, то автор вырабатывает свои художественные принципы в свете острого и оригинального понимания его социальной, исторической и идеологической среды.

Проблемы поэтики Достоевского (1963)

Монография «Проблемы поэтики Достоевского» [см.: 1, т. 6, с. 7–300] широко читается бразильскими лингвистами, поскольку в этой работе Бахтин предлагает дисциплину «Металингвистика», фундаментальную для всех теоретиков дискурса, которые понимают слово в его внутренних отношениях с внесловесным и словесным контекстами.

В самом начале книги Бахтин подчеркивает, что в ней будут затронуты только проблемы поэтики Достоевского и что ее цель – раскрыть новаторство писателя в преобразовании художественной формы с учетом «принципов европейской эстетики» [1, т. 6, с. 7]. Другими словами, романы Достоевского представляют собой новшество в контексте предшествовавшей ему европейской эстетической или литературной сферы. Если в тексте 1929 г. акцент делался на соотношении исторического и социального внесловесного контекста и его реконструкции авторской архитектурой, то теперь, не теряя этой перспективы, Бахтин делает акцент на диалоге Достоевского с литературным, эстетическим, художественным контекстами.

В своем труде Бахтин упоминает немецкого писателя Отто Кауса, который связывает появление полифонического романа с наступлением капитализма в России в XIX в. С одной стороны, Бахтин критикует Кауса за то, что тот не раскрыл конструктивные особенности построения многопланового романа, с другой – поддерживает его мысль, что российский экономический и социальный контекст во многом объясняет возникновение

полифонического романа: «Здесь противоречивая сущность становящейся социальной жизни, не укладывающаяся в рамки уверенного и спокойно созерцающего монологического сознания, должна была проявиться особенно резко, а в то же время индивидуальность выведенных из своего идеологического равновесия и столкнувшихся миров должна была быть особенно полной и яркой» [1, т. 6, с. 26].

Этот анализ социального, политического, исторического и идеологического контекста России XIX в. уже присутствовал в «Проблемах творчества Достоевского» [1, т. 2, с. 27] и сохранен в редакции 1963 г.

Позже, комментируя другого автора, Бахтин заявляет: «объективные противоречия эпохи определили творчество Достоевского не в плоскости их личного изживания в истории его духа, а в плоскости их объективного видения, как сосуществующих одновременно сил (правда, видения, углубленного личным переживанием) [1, т. 6, с. 35–36]. Внесловесный идеологический контекст, хотя и не находящийся в центре внимания бахтинского анализа, оценивается как детерминанта творчества Достоевского, и эта мысль прослеживается в «Проблемах творчества Достоевского» [1, т. 2, с. 36]. В том же направлении Бахтин анализирует известную статью-рецензию Луначарского (1929) и приходит к следующему выводу: «Новые формы художественного видения подготавливаются медленно, веками, эпоха создает только оптимальные условия для окончательного вызревания из реализации новой формы. Раскрыть этот процесс художественной подготовки полифонического романа – задача исторической поэтики. Поэтику нельзя, конечно, отрывать от социально-исторических анализов, но ее нельзя и растворять в них» [1, т. 6, с. 46].

В статье Луначарского Бахтин признает, с одной стороны, важность внесловесного социально-исторического контекста для объяснения и понимания возникновения литературного жанра и, с другой стороны, эстетическую традицию, которая также является основополагающей для его возникновения. Здесь представлены два измерения контекста: внесловесный социально-исторический контекст, а также предшествующие высказывания из сферы культуры или человеческой деятельности, то есть эстетическая традиция.

Далее, анализируя построение персонажей в полифоническом романе, Бахтин выявляет инверсию в отношениях между героями и их реальностью, что становится объектом их рефлексии: «Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками», но как «особая точка зрения на мир и на себя самого» [1, т. 6, с. 56]. При том, что характер не совпадает с самим собой или предопределен условиями его жизни, в самосознании героя всегда присутствует избыток человечности. Эти идеи также присутствовали в «Проблемах творчества Достоевского» [см.: 1, т. 2, с. 43].

При анализе художественной функции идеи в произведениях Достоевского Бахтин употребляет слово «контекст» в двух случаях:

1) «идеи Достоевского-мыслителя, войдя в его полифонический роман <...> сплошь диалогизуются и вступают в большой диалог романа на *совершенно равных правах* с другими образами идей» [1, т. 6, с. 104–105]. Иными словами, идеи Достоевского принимают разные формы существования в зависимости от сферы, жанра и авторского проекта, в которых они сформулированы: литературный роман или публицистическая статья;

2) при обращении к тому, как идеи в художественном проекте Достоевского неотделимы от голоса создавшего их человека и их словесного контекста: «Характерно, что в произведениях Достоевского совершенно нет таких отдельных мыслей, положений и формулировок типа сентенций, изречений, афоризмов и т. п., которые, будучи выделены из контекста и отрешены от голоса, сохраняли бы в безличной форме свое смысловое значение» [1, т. 6, с. 109].

Для Бахтина в произведениях Ф.М. Достоевского идея, человек, ее выдавший, и ее словесный контекст неразделимы. Эти две мысли Бахтина я не нашла в «Проблемах творчества Достоевского», но они появились в «Проблемах поэтики Достоевского».

Далее отмечается связь полифонического романа Достоевского с традициями не только «авантюрного романа» [1, т. 6, с. 121], но и с жанрами «серьезно-смехового», в которых присутствуют элементы карнавального фольклора (сократический диалог, симпозионы, мениппова сатира и др.). В «Проблемах творчества Достоевского» Бахтин не упоминает серьезно-смеховые жанры. Они появятся при анализе творчества Достоевского после исследований, проведенных в 1930-е гг., в частности романа Франсуа Рабле. Бахтин, руководствуясь «исторической поэтикой жанров», стремится выявить, с одной стороны, историко-генетическую традицию европейской литературы, в которую вписано творчество Достоевского – «живет настоящим, но всегда *помнит* свое прошлое, свое начало» [1, т. 6, с. 120]; с другой – показать, «как традиционные черты жанра органически сочетаются с индивидуальной неповторимостью и глубиной их использования у Достоевского» [1, т. 6, с. 173].

Общественно-исторический контекст жанрообразования представлен в двух моментах исторической поэтики: 1) Бахтин восстанавливает контекст формирования жанра менипповой сатиры: он пришелся на «эпоху разложения национального предания», «эпоху напряженной борьбы многочисленных и разнородных религиозных и философских школ и направлений», «эпоху подготовки и формирования новой мировой религии – христианства» [1, т. 6, с. 134]; 2) гибкий и динамичный характер карнавализации оказался действенным в то время, когда Достоевский создавал свои произведения, то есть во время введения капитализма в России в XIX в.: «*Релятивизуя* все внешнее устойчивое, сложившееся и готовое, карнавализация с ее пафосом смен и обновления позволила Достоевскому проникнуть в глубокие пласты человека и человеческих отношений. Она оказалась удивительно продуктивной для художественного постижения развивающихся капиталистических отношений, когда прежние формы жизни, моральные устои и верования превращались в “гнилые веревки” и обнажалась скрытая до этого амбивалентная и незавершимая природа человека и человеческой *мысли*. Не только люди и их поступки, но и *идеи* вырвались из своих замкнутых иерархических гнезд и стали сталкиваться в фамильярном контакте “абсолютного” (то есть ничем не ограниченного) диалога» [1, т. 6, с. 188].

Здесь Михаил Бахтин совмещает два измерения контекста: литературную традицию – раскрывая карнавализацию, то есть «транспонировку карнавала на язык литературы» [1, т. 6, с. 140], одну из ветвей «культурной истории», – и социально-исторический контекст. Его вывод состоит в том, что «диахронический анализ подтверждает результаты синхронического» [1, т. 6, с. 201]. На наш взгляд, этот теоретико-методологический подход в определенных аспектах сближается с риторико-герменевтической традицией, предложенной Растье, поскольку Бахтин связывает историю жанра и социальную, идейную, темпоральную ситуацию его возникновения и становления, но без потери уникального, индивидуального вклада автора.

Для завершения анализа данной работы выделим положение о металингвистике как дисциплине, которая изучает «слово, то есть язык в его конкретной и живой целокупности» [1, т. 6, с. 203]. Ее объектом выступают «диалогические отношения», которые «внелингвистичны» и возникают внутри и между «целыми высказываниями» «разных субъектов» [1, т. 6, с. 204–205]. Определяя совокупность изучаемых лингвистикой дискурсивно-литературных явлений – пародию, стилизацию, диалог и др., – Бахтин много раз употребляет понятие «контекст» для обозначения «монологического контекста» автора и другого контекста слова героя в «авторском высказывании» [1, т. 6, с. 207–209] и делает следующий вывод: «Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда

диалогического общения. Оно иногда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уста в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило» [1, т. 6, с. 225].

Здесь Бахтин употребляет термин контекст, прежде всего, в значении словесного контекста авторского высказывания, но фоновое, в смысле внеязыкового контекста высказывания. Этот пассаж есть и в «Проблемах творчества Достоевского», но важно уточнить: в тексте 1929 г. было словосочетание «социологическое общение», а в тексте 1963 г. – «диалогическое общение». Я интерпретирую это изменение как переход от социологического метода, разработанного Бахтиным, Медведевым и Волошиновым в 1920-е гг., к «металингвистике», предложенной Бахтиным с конца 1950-х гг.

Выводы

Понятие контекста занимает центральное место в теориях текста и дискурса. В последнее время оно получило довольно широкое распространение, затрагивая эпистемологию языка. Риторико-герменевтическая точка зрения Ратье и социокогнитивный взгляд ван Дейка доказывают, что введение понятия контекста в науку о языке привело к появлению ряда исследований, в которых исключается доминирование научной рефлексии над человеческим словесным языком (что было характерно для грамматических и формалистских подходов).

Утверждение Бахтина о том, что «контекст потенциально незавершен» [2, с. 352], наиболее точно передает сложность и богатство этого понятия в той теории, которую Бахтин разрабатывал с начала 1920-х гг. В ней рассматривается социальная коммуникация, осуществляемая и закрепляемая на материале слова. Здесь контекст включает в себя следующие измерения: **внесловесную ситуацию** – непосредственную коммуникативную ситуацию, идеологическую сферу высказывания (литературную, художественную, научную и т. д.); **предметы или героя романа, взятых из жизни**, характеристики которых определяют творчество автора (т. е. автор не вполне свободен творить, но и не осуществляет простого отражения то, что есть в предмете); **идеологический горизонт времени или общества** (совокупность знаков-объектов – произведений искусства, религиозных символов, научных высказываний и т. д., – которые составят общественное сознание коллектива или социальную оценку, понимаемую как ценностную атмосферу современности).

Периодически Бахтин теоретически и методически призывает не сводить художественное произведение к отражению внесловесного контекста. В связи с этим он выдвигает постулат, согласно которому словесный материал литературного произведения есть художественная реконструкция социально-экономической среды, направляемая **художественной архитектурной формой, видением, художественной волей** или даже **«формобразующей идеологией»** автора.

Контекст также может быть **словесным**, и в этом смысле он включает: **исходные утверждения и ответные утверждения** высказывания; речевой **жанр**; речь или **словесный контекст** (авторский или персонажный), в котором усваивается и воспринимается чужое высказывание. В «Проблемах поэтики Достоевского» рассматривается европейский литературный, эстетический, художественный контекст (или традиция), из которого Достоевский разработал полифонический роман, а также речевой жанр, в котором сформулирован авторский проект.

Наконец, **словесный и внесловесный контексты** в том смысле, как они охарактеризованы выше, составляют неотъемлемую часть предмета изучения бахтинской металингвистики – диалогических отношений внутри и между высказываниями – и

словесных явлений (диалога, пародии, открытой и скрытой полемики и т. д.). В «Проблемах творчества Достоевского» встречается выражение «социологическое общение», что служит отсылкой к социологическому методу, разработанному совместно с Волошиновым и Медведевым. В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин отдает предпочтение «диалогическому общению» – объекту изучения металингвистики.

1. *Bakhtin M.M.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 1–6. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
2. *Bakhtin M.M.* Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М, 1979. С. 336–360.
3. *Луначарский А.В.* О «многоголосности» Достоевского. По поводу книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» // Новый мир. 1929. № 10. С. 195–209.
4. *Bakhtin M.* Problemas da obra de Dostoiévski [Проблемы творчества Достоевского]. Tradução, notas e glossário S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2022.
5. *Bakhtin M.* Problemas da poética de Dostoiévski [Проблемы поэтики Достоевского]. Tradução, notas e prefácio P. Bezerra. 5. Ed. Rio de Janeiro: Forense Universitária, 2010.
6. *Bouquet S.* De l'hexagramme cognitive à une sémiotique de l'interprétation. In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. P. 11–35.
7. *Dubois, J.* et alli. Dicionário de linguística. Tradução I. Blikstein et alli. 10. Ed. São Paulo: Cultrix, 1998.
8. *Grillo, S., Américo, E.V.* Registros de Valentin Volóchinov nos arquivos do ILIAZV [Записи Валентина Волошинова в архиве ИЛИАЗВ]. In: Volóchinov V. (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas [Слово в жизни и слово в поэзии: очерки, статьи, рецензии и стихи]. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019. p. 7–56.
9. *Kaus O.* Dostojewski und sein Schicksal. Berlin: E. Laub'sche, 1923. 162 p.
10. *Medviédév P.* O método formal nos estudos literários. Introdução crítica a uma poética sociológica. Tradução e notas E.V. Américo e S. Grillo. São Paulo: Contexto, 2012.
11. *Meunier G.* Représentation, information et culture In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. Pp. 137–155.
12. *Nuto J.V.* Bakhtin e Lunatcharski: um diálogo [Бахтин и Луначарский: диалог] // Bakhtiniana – Revista de Estudos do Discurso, 2021.V. 16, pp. 53–69.
13. *Rastier F., Bouquet S.* (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. 297 p.
14. *Rastier F.* Arts et sciences du texte. Paris: PUF, 2001.
15. *Rastier F.* Au milieu du chemin: entretien avec François Rastier par Éric Trudel // Acta semiotica et linguística. 2022. V. 27, n. 2 (46), pp. 168–176. URL : <https://periodicos.ufpb.br/index.php/actas/article/view/63003>. (20/08/22).
16. *Rastier F.* Le problème épistémologique du contexte et le statut de l'interprétation dans les sciences du langage. Langages, n. 129, p. 97–111, 1998. URL : https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1998_num_32_129_2149. (20/08/22)
17. *Schleiermacher F.D.E.* Herméneutique. Pour une logique du discours individuel. Tradução C. Berner. Alençon (Orne) : CERF/PUL, 1987.
18. *Tadeu De Souza G.* A construção da metalingüística (fragmentos de uma ciência da linguagem na obra de Bakhtin e seu círculo [Построение металингвистики (фрагменты науки о языке в творчестве Бахтина и его окружения)]. 2002. 175 p. Tese (Doutorado em Linguística) – Faculdade de Filosofia Letras e Ciências Humanas, Universidade de São Paulo, São Paulo.
19. *Van Dijk T.A.* Discurso e contexto: uma abordagem sociocognitiva. Tradução R. Ilari. São Paulo: Contexto, 2012.
20. *Volóchinov V.* (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas [Слово в жизни и слово в поэзии: очерки, статьи, рецензии и стихи]. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019.

The concept of «context» in «Problems of Dostoevsky's Creative Art» (1929) and «Problems of Dostoevsky's Poetics» (1963) by Mikhail Bakhtin

© 2023 Vieira de Camargo Grillo S.*

*Sheila Vieira de Camargo Grillo, Doctor of Philology, Professor
in the Faculty of Philosophy, Literature and Humanities, University of São Paulo (USP)
E-mail: sheilagrillo@usp.br*

University of Sao Paulo (USP). São Paulo, Brazil

Annotation. This article is epistemological in nature. It analyzes the concept of “context” in the works by M.M. Bakhtin “Problems of Dostoevsky's Creative Art” (1929) and “Problems of Dostoevsky's Poetics” (1963). The relevance of the chosen topic is largely due to the growing interest of linguists in the analyzed concept. Thus, the article highlights the theories of context developed in the interpretive semantics of François Rastier and in the critical discourse analysis of Thön van Dyck. In Bakhtin's works mentioned above, notion of “context” is central; the thinker considers out-of-verbal and verbal context. At the same time, both contexts are mediated by artistic architectonics, form, vision or artistic will of the author.

Keywords: context of ethical value, extra-verbal context, verbal context, M.M. Bakhtin.

1. *Bahtin M.M.* Sobranie sochinenij [v 6 (7) t.]. T. 1–6. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskih kul'tur, 1996–2012.
2. *Bahtin M.M.* Iz zapisej 1970–1971 godov // Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorcestva. M.: 1979. S. 336–360.
3. *Lunacharskij A.V.* O «mnogogolosnosti» Dostoevskogo. Po povodu knigi M.M. Bahtina «Problemy tvorcestva Dostoevskogo» // Novyj mir. 1929. № 10. S. 195–209.
4. *Bakhtin M.* Problemas da obra de Dostoiévski. Tradução, notas e glossário S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2022.
5. *Bakhtin M.* Problemas da poética de Dostoiévski. Tradução, notas e prefácio P. Bezerra. 5. Ed. Rio de Janeiro: Forense Universitária, 2010.
6. *Bouquet S.* De l'hexagramme cognitive à une sémiotique de l'interprétation. In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. P. 11–35.
7. *Dubois, J.* et alli. Dicionário de linguística. Tradução I. Blikstein et alli. 10. Ed. São Paulo: Cultrix, 1998.
8. *Grillo, S., Américo, E.V.* Registros de Valentin Volóchinov nos arquivos do ILIAZV. In: Volóchinov V. (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019. p. 7–56.
9. *Kaus O.* Dostojewski und sein Schicksal. Berlin: E. Laub'sche, 1923. 162 p.
10. *Medviédev P.* O método formal nos estudos literários. Introdução crítica a uma poética sociológica. Tradução e notas E.V. Américo e S. Grillo. São Paulo: Contexto, 2012.
11. *Meunier G.* Représentation, information et culture In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. Pp. 137–155.
12. *Nuto J.V.* Bakhtin e Lunatcharski: um diálogo // Bakhtiniana – Revista de Estudos do Discurso, 2021.V. 16, pp. 53–69.
13. *Rastier F., Bouquet S.* (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. 297 p.
14. *Rastier F.* Arts et sciences du texte. Paris: PUF, 2001.

15. *Rastier F.* Au milieu du chemin: entretien avec François Rastier par Éric Trudel // *Acta semiotica et linguistica*. 2022. V. 27, n. 2 (46), pp. 168–176. URL : <https://periodicos.ufpb.br/index.php/actas/article/view/63003>. (20/08/22).
16. *Rastier F.* Le problème épistémologique du contexte et le statut de l'interprétation dans les sciences du langage. *Langages*, n. 129, p. 97–111, 1998. URL : https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1998_num_32_129_2149. (20/08/22)
17. *Schleiermacher F.D.E.* Herméneutique. Pour une logique du discours individuel. Tradução C. Berner. Alençon (Orne) : CERF/PUL, 1987.
18. *Tadeu De Souza G.* A construção da metalingüística (fragmentos de uma ciência da linguagem na obra de Bakhtin e seu círculo. 2002. 175 p. Tese (Doutorado em Lingüística) – Faculdade de Filosofia Letras e Ciências Humanas, Universidade de São Paulo, São Paulo.
19. *Van Dijk T.A.* Discurso e contexto: uma abordagem sociocognitiva. Tradução R. Ilari. São Paulo: Contexto, 2012.
20. *Volóchinov V.* (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019.